

https://posle.media/?p=657&fbclid=IwAR321MCqohFkt99j-VCVG--o_zmnvxem1ZPo5GhEpEK28hkbFvuT2k-mPJ8

Не бояться прослыть «национал-предателем»

«Где вы были восемь лет?» — навязчивый вопрос российской пропаганды. Андрей Мовчан, журналист и левый активист из Украины, рассказывает о своей борьбе против ультраправых, миграции и призывает российских левых выступить против войны

8 июня, 2022 Андрей Мовчан

Вопрос «где вы были последние 8 лет» до сих пор, после месяцев разрушительной войны, продолжает оставаться одним из важных мотивов российской пропаганды. Эта моральная претензия состоит в том, что те, кто выступает против войны сегодня, предпочитал прежде не замечать силовое подавление несогласных и рост ультраправых в самой Украине. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что мотив «последних 8 лет» основан на лжи и подмене понятий: одно насилие не может быть оправданием другому (тем более, гораздо более масштабному), и тысячи жертв не могут быть оплачены десятками тысяч. И все же эта статья украинского антифашиста и социалиста Андрея Мовчана имеет большое значение, так как обращена, прежде всего, к той части российской аудитории (включая часть левых), которая пытается оправдать свой конформизм отговорками про «8 лет» и «виноваты обе стороны».

Известия о начале российского вторжения в Украину я получил около пяти утра 24 февраля, проснувшись от тревожного сна. Меня разбудили не звуки сирен или взрывов, а шум первого метро, которое именно в эту пору начинает ходить между станциями Барселоны. Уже более семи лет я живу вдалеке от родного Киева, шесть из них в Каталонии. Я политэмигрант. В конце 2014 года мне пришлось покинуть свою страну из-за своей антивоенной позиции. Из-за того, что я был несогласен с военным решением конфликта на Донбассе. Для множества моих соотечественников, для бывших друзей, коллег, знакомых, я — национал-предатель.

Лет пятнадцать назад, придя в левое движение, я и представить не мог, куда меня и моих немногочисленных товарищей заведет этот путь. Даже в то далекое мирное время стать коммунистом или социалистом в Украине для молодого человека было реальным нонконформизмом, вызовом махровому антикоммунистическому мейнстриму, который уже тогда занял доминирующие позиции. Такой выбор не сулил ничего кроме проблем. Впрочем, мы еще не предполагали, каких.

Их истинный масштаб стал вырисовываться в начале 2010-х — скачкообразный рост ультраправых происходил буквально у нас на глазах. И мы, горстка левых активистов, стали первыми, на кого выплескивалось насилие этих группировок. Когда ни на Донбассе, ни в Крыму еще даже не слышали названий ультраправых банд, мы знали этих людей в лицо и были едва ли не единственными, кто пытался кричать об этой проблеме и как-то им противостоять.

За последние четыре года жизни в Украине на меня (одного или в группе с товарищами) было совершено порядка десяти уличных нападений со стороны ультраправых. Некоторые из них закачивались в травматологии. Фотографы до сих пор регулярно спрашивают у меня, где я сломал нос; дантисты интересуются, как покрошил зубы; парикмахеры удивляются, находя шрамы от металлических предметов на моем затылке. Это был террор. Нас физически вытеснили с улицы.

По понятным причинам я не принял Майдан. Ибо не понаслышке знал, кто является его силовым блоком, и какие ценности разделяют эти люди. Кроме того, я не испытывал иллюзий по поводу того, какое будущее ждёт в новой Украине людей с коммунистическими взглядами. Наши дела были очень плохи. Они стали еще хуже, когда Россия аннексировала Крым.

Я с ужасом осознавал, какой ящик Пандоры теперь открылся. Разумеется, я понимал, что русские Крыма все 25 лет стремились к России, так и не ощутив украинское государство своим домом. Произошедшее не стало сюрпризом. Пугало понимание того, насколько территориальные потери усугубят проблему национализма внутри Украины. Насколько это усложнит и без того плачевное положение любой оппозиции, прежде всего левой. Ибо теперь любой, кто критиковал национализм, кто критиковал новую власть и уж тем более заикался о праве крымчан на самоопределение, мог быть объявлен «национал-предателем». Не просто мог, он объявлялся таковым.

Крымская аннексия радикально усложнила жизнь тех украинцев, кто не хотел мириться с новыми порядками. Перед каждым из нас встал выбор: как относиться к случившемуся? Расшаркиваться перед националистами за Крым или остаться при своих идеалах и примерить на себя клеймо национал-предателей и изгоев? Я выбрал для себя второе.

За Крымом последовал Донбасс. И это еще сильнее усугубило наше положение. Каждый украинский левый должен был дать себе ответ на вопрос: как воспринимать эту войну? Мне было тяжело осознавать, что логика процессов идет к территориальному конфликту. Если бы Донбасс остался в составе Украины, то неизбежно стал бы центром оппозиционных настроений и протестного движения индустриальных рабочих. Донбасс стал бы социальной базой левых сил, он давил бы на правительство в Киеве, а своими голосами подрывал бы гегемонию правых прозападных партий. Вместо этого регион на всех парах летел к своему нынешнему состоянию — разрушенного, деиндустриализированного, объятых страстями войны и национальной ненависти символа русской ирреденты.

Наши желания и надежды редко совпадают с ходом действительности. Так произошло и с Донбассом. Я испытывал чувство, будто Донбасс, уходя из Украины, бросает прочих украинских трудящихся один на один с неолиберальным, зависимым от Запада правительством и его верными псами из ультраправых банд. Но мог ли я приветствовать военное удушение несогласных Донбасса? Нет.

Мне были глубоко противны лидеры восстания на Донбассе. Мне претил их русский национализм, открытая украинофобия, презрение к украинскому языку, носителем которого я являюсь. Мне претило расхожее там вульгарное понимание советского прошлого как великодержавного русского проекта. Претило не только на уровне политики, но даже на эстетическом уровне. Однако я не считал для себя возможным встать на сторону украинского правительства и националистов. Потому что украинское государство, в моем понимании, выступило в роли угнетателя несогласия своих же собственных граждан.

Как коммунист и как украинец я решил, что мой долг в той ситуации — критиковать собственные правительство, армию и национализм. Кто-то же должен озвучивать обществу самые неприятные для него факты. Что по ту сторону фронта не столько российские военные и наемники, сколько наши же сограждане-украинцы. Что артиллерия обстреливает жилые кварталы. Что украинскую армию на Донбассе не ждут с цветами. Что добровольческие батальоны творят зверства по отношению к мирному населению. Что члены правительства обогащаются на войне. Что главный враг — в своей стране.

Можете представить себе, что означает такая позиция в обществе, переживающем фантомные боли от территориальных потерь. Моя карьера в журналистике была окончена. Бывшие друзья поспешили отречься от меня. Я потерял весь социальный капитал, накопленный за предыдущие годы. До 80% моего окружения решили, что лучше не иметь со мной ничего общего. Иные даже приняли активное участие в кампании публичной травли.

Для националистов я стал ещё более ненавистен, чем прежде. Я жил на конспиративной квартире, резко ограничил свои контакты, а каждый выезд в центр родного города становился испытанием для нервов: слишком много людей знали меня в лицо, и часто это была не самая лучшая часть киевлян. То, что в 2014 году на меня было совершено только одно нападение — счастливое стечение обстоятельств. Тогда большинство видных ультраправых были на Донбассе, им было не до меня. Но они грозили вскоре вернуться и разобраться с «пятой колонной».

К концу 2014 года мои близкие убедили меня выехать из страны. Так я оказался в Мадриде. Дальше были долгие скитания, жизнь нелегалом: без документов, без денег, без языка, без друзей, без профессии, без возможности вернуться на родину. Самые трудные годы моей жизни.

Но я ничуть не жалею о том, какую позицию я занимал отстаивал все эти годы.

После 24 февраля, дорогие российские товарищи, перед вами стоят те же вызовы, которые стояли перед нами восемь лет назад. Теперь вы как мы.

Причем ваш выбор гораздо легче и очевиднее. Ваша страна, в отличие от Украины 2014 года, не терпит территориальные потери, не решает вопросы своей целостности, не отражает замаскированные интервенции. Россия ведет агрессивную захватническую войну на территории суверенного государства, ставя под сомнение само право на его существование. Бомбит мирные города, убивает гражданское население (прежде всего русскоязычное), творит бесчинства на оккупированных территориях. И вы сами знаете, что это правда.

Долг каждого российского коммуниста и интернационалиста — противостоять этому преступному вторжению. Требовать немедленного и безоговорочного вывода войск Российской Федерации как минимум на рубежи 24 февраля.

Вы может спросить: «Где ты был все эти восемь лет?». Если вы дочитали до этих строк, вы знаете, где я был и чем занимался. Я выступал против той войны, заслужив себе клеймо национал-предателя.

Часть российских левых озвучивает множество аргументов, почему нужно либо поддержать «спецоперацию», либо не препятствовать ей. Ни один из них не является хоть сколько-нибудь убедительным. Нет, это не о рациональных политических аргументах, это о другом. Для меня стало очевидным, что глубинный страх многих левых России — прослыть национал-предателем. Мне знакомо это чувство. Этот страх «предательства» нужно преодолеть, как преодолевали его мы.

Да, если вы осудите войну, вас непременно обвинят в предательстве родины. Вы будете терять друзей и знакомых, карьерные перспективы и былые заслуги. Вас будут ненавидеть и презирать «патриоты». Вы будете гонимы. Но коммунисты во все времена были гонимы, во всех уголках мира они обвинялись в нехватке любви к буржуазной родине и работе на

врага. Теперь черёд и российским левым причаститься к Интернационалу через символический разрыв с «родиной-государством».

И я искренне рад, что многие уважаемые мной люди из России не побоялись этого клейма. Ибо истинный патриотизм сейчас заключается в том, чтобы выступить против национальной катастрофы, остановив эту позорную войну.